

СТАРАЯ РЯЗАНЬ *

А. Монгайт

О былом значении многих древнерусских городов и княжеств нам приходится судить либо по свидетельствам современников, либо по тем памятникам искусства и литературы, которые до нас дошли. Недостаточность тех и других часто искажает историческую перспективу и приводит даже к полному забвению значительных в прошлом центров, как это произошло с древней столицей Рязанского княжества — Старой Рязанью.

Батыев погром нанёс сокрушительный удар Старой Рязани: «Град и земля Рязанская изменися доброта её и отыде слава её и не бе что в ней благо ведати токмо дым и земля и пепел». Восстановленная после 1237 г. старая столица Рязанского княжества не могла уже вернуть себе прежнее значение. Постепенно пришли в упадок и

разрушились храмы и дома. Старая Рязань сделалась небольшим городком, а ещё позже — селением.

Археологические исследования не только возродили в памяти народа древнюю столицу Рязанского княжества, но и позволили по-новому рассмотреть её историю, которая была написана Иловайским¹ в середине прошлого века и с тех пор не пересматривалась учёными.

Только с начала прошлого века запустевшее городище начало привлекать к себе внимание археологов благодаря случайным находкам древних вещей. Исследования, произведённые в недавние годы, заставляют думать, что Рязань была не только значительным политическим, но и важным худо-

* Настоящая статья является извлечением из кандидатской диссертации автора.

¹ Иловайский Д. «История Рязанского княжества». М. 1858.

жественным и ремесленным центром древней Руси.

Первое упоминание о Рязани в летописи относится к 1096 г., но существовала она значительно ранее этого времени. Археологические материалы позволяют говорить о нескольких периодах заселения городища Старой Рязани от неолита до наших дней. Непосредственными предшественниками славян здесь были мордовские племена.

На основании скудных археологических материалов, которые мы имеем сейчас в своём распоряжении, можно сказать, что на смену мордовским племенам пришло славянское племя вятичей. Вятичи часто селились на местах, прежде занятых мордвой. Ранние славянские погребения перерезают более древние могилы², а на городищах Рязанской области наблюдается смена прежней культуры славянской³.

Встретились ли славянские племена в Рязанском течении Оки со своими предшественниками или просто заселили оставленные задолго до этого места? Непрерывность поселений на городищах свидетельствует о том, что они могли встретиться. Это подтверждают и кое-какие антропологические наблюдения⁴.

Этнографическая литература отмечает близость народного костюма русских в Рязанской губернии и соседней мордвы, что отчасти объясняется очень древними связями, отчасти же должно быть отнесено за счёт длительного соседства в новое время⁵. Встреча славян на Оке с мордвой и другими племенами привела к исчезновению мешеры, мери и муромы. Только мордва длительное время удержалась в соседстве с русскими землями на Оке.

Старая столица Рязанского княжества возникла на месте древнего мордовского го-

родка, там, где теперь находится кладбище села Старая Рязань. В. А. Городцов, проводивший в 1926 г. большие раскопки Старо-Рязанского городища, обнаружил на этом участке очаги, при которых были найдены железный наконечник стрелы, костяное шило, обломки шлакированных глиняных сосудов, вероятно, тиглей, бронзовые пряжки «восточно-финского типа»⁶. Может быть, население городка оставило после себя большой могильник, примыкающий к южной части городища (Шатрищенский), и могильник на территории городища, уничтоженные при заселении его славянами. Об этом говорят находки на территории Старой Рязани отдельных предметов, подобных инвентарю рязанских могильников. «Городок» с примыкающим к нему северным участком территории отделён от остальной территории городища внутренним валом и рвом. Внутренний вал пересекает городище с северо-востока на юго-запад. Он идёт от наружного вала к берегу Оки и отрезает от городища небольшой более древний участок, площадью около 7,6 га. Этот северный участок городища носит несомненные следы древнего населения, и можно утверждать, что славянское поселение возникло раньше всего здесь.

Археологические исследования Старой Рязани пока ещё не позволили точно установить дату её возникновения как славянского города. Причиной является то, что лишь небольшая часть городища подверглась раскопкам, а культурный слой крайне тонок, в значительной мере перепахан и вследствие свойств почвы подвергся смыванию. Раскопки 1926 г. позволили установить существование Рязани уже в X в. (см. Дневник раскопок), а косвенным доказательством столь древнего возникновения Старой Рязани являются находки на территории городища диргемов VIII—IX веков⁷. Кроме того, на северном участке городища и в овраге р. Серебрянки среди подъёмных материалов найдены многочисленные фрагменты раннеславянской лепной керамики VIII—IX веков⁸.

Старая Рязань не только возникла на месте мордовского посёлка; этот славянский город воспринял также племенное имя его древних насельников. По вопросу о происхождении слова «Рязань» были высказаны различные мнения. Его производили от глагола «резать», сближая с названиями монет

² См. Ефименко П. «Рязанские могильники». Материалы по этнографии, т. III, 1926; его же — «К истории западного Поволжья в I тысячелетии н. э. по археологическим источникам», «Советская археология» № 2, 1937, стр. 39—58; Спицын А. «Древности бассейнов р. Оки и Камы». СПб. 1901, стр. 51.

³ См. рукописные отчёты Н. И. Лебедевой и Н. П. Милонова о раскопках в Рязанском, Пронском и Скопинском уездах в 1925—1926 годах. Архив Рязанского музея. В. А. Городцов — работы 1897 г. в долине р. Оки. Арх. известия и заметки, № 11—12. 1898.

⁴ См. материалы по антропологии Восточной Европы (Учёные записки МГУ, вып. 63. 1941); Чепушковский Е. М. Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения Великороссии. Изв. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. СХХIV, вып. 2; его же — «Очерки по общей антропологии». Владивосток. 1924.

⁵ Лебедева Н. Материалы по народному костюму Рязанской губ. Труды о-ва исследователей Рязанского края, вып. XVIII, Рязань. 1929; С. П. Толстов «К проблеме аккультурации». «Этнография» № 1—2, 1930.

⁶ Дневник раскопок 1926 г., рукопись Рязанского музея, № 132.

⁷ Наружный вал сохранился и сейчас в виде мощного сооружения, тянувшегося на 1500 м с южной и восточной сторон городища.

⁸ Черепнин А. «О гривенной денежной системе по древнимкладам», стр. 7. М. 1900.

⁹ Эта керамика до сих пор не была найдена в раскопках, так что местонахождение её может быть указано только приблизительно, но несомненно, что найденные фрагменты происходят с северного участка городища.

«резанами», и от слова «ряса» — «топь», «болото»¹⁰.

Впервые более вероятное предположение о происхождении слова «Рязань» высказал местный священник Н. Любомудров. Он считал, что это слово принято русскими от мордвы, одна из ветвей которой и сейчас зовёт себя «эрзя» в отличие от «мокши»¹¹. Эту точку зрения поддержал такой знаток-филолог, как А. А. Шахматов¹². Филологическое сродство слов «эрзянь» и «Рязань» несомненно. «Рязань» — ославяненная форма этого слова, так как в русском языке наблюдается часто перестановка гласных. Археологические раскопки подтверждают исторические связи эрзи с Рязанью и преемственность славянского города от мордовского посёлка, ранее существовавшего на его территории.

А. А. Шахматов высказал интересное предположение, что Старая Рязань была одним из трёх древнейших центров Руси, о которых говорят арабские писатели. «Неясные сообщения арабских путешественников и географов о трёх центрах Руси возбудили ряд толкований, большая часть которых не была достаточно обоснована. В настоящее время наука не накопила ещё достаточно сведений для окончательного решения этого вопроса. Но некоторые данные позволяют согласиться с точкой зрения Шахматова. Сообщения писателей X в. Аль-Балхи, Аль-Истахри, Ибн-Хаукаля и других о трёх центрах Руси — Куябе, Артании и Славии — привели большинство учёных к заключению, что под Куябой следует разуметь Киев, а под Славией — Новгород или область новгородских славян. Но вопрос о местоположении третьего русского племени вызвал многочисленные и противоречивые предположения. Его помещали в самых различных пунктах огромного пространства Восточной Европы: на Дунае, побережье Азовского моря, в Перми, даже в Скандинавии. Некоторые исследователи (в том числе и А. А. Шахматов) связывали Артанию с эрзью и Рязанью.

Френ, д'Оссон, П. С. Савельев считали, что Артания это — Эрзянь, имя, сохранившееся в названии Арзамаса¹³. Той же точки зрения придерживался и Щеглов, считавший Артанией финское племя, но он искал Арту не в Арзамасе, а в Рязани¹⁴.

¹⁰ «Чтения Общества истории и древностей Российских». 1846. III; Макаров Н. «Опыт престолярного словотворчества».

¹¹ Любомудров Н. «Исследование о происхождении и значении имени Рязань». М. 1874.

¹² Шахматов А. «Древнейшие судьбы русского племени». Пгг. 1919.

¹³ «Frähn-lbn-Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit»; Mouradia d'Osson A. «Des peuples du Caucase et des pays au nord de la mer Noire dans X siècle»; СПб. 1856; П. С. Савельев «Мухаммеданская нумизматика». СПб. 1856.

¹⁴ Щеглов Д. «Первые страницы русской истории». Журнал министерства народного просвещения за май 1876 г., стр. 15.

К мнению Г. Щеглова присоединился Шахматов¹⁵. Если для лингвистов была несомненной близость в звучании Артании с Эрзей, Эрзяньей¹⁶, то казалось необъяснимым, почему арабы причисляли мордовскую эрзу к русским племенам. Однако Шахматов вслед за Щегловым указал, что Артания — Эрзянь это — позднейшая Рязань, важнейший город славянского племени вятичей.

Предположение А. А. Шахматова не было принято исторической наукой. Его причислили к тем из многочисленных гипотез великого исследователя летописей, которым навсегда суждено остаться недоказанными. Между тем правильность этой гипотезы подтверждается не только созвучностью названий, но и географическим положением Старой Рязани, совпадающим с указаниями арабов на местоположение Артании. Так, приурочивание каких-то русов на Оке в арабских известиях к северо-западу от Буртасов указывает на среднее течение Оки, а здесь мы не знаем другого крупного древнерусского центра, кроме Старой Рязани. В. Минорский, издавший в английском переводе так называемую «Рукопись» Туманского и снабдивший её подробными комментариями, на основании сводки всех сообщений арабов составил карту, которая показывает, что среднее течение Оки было известно арабскому переводчику как один из районов, где проживали русы¹⁷.

Таким образом, отпадает возражение, что рязанское течение Оки не было известно арабам, и поиски Артании в Рязани становятся на реальную почву. Одно из возражений против поисков в Рязани древней Артании касалось предметов вывоза из Артании. Утверждали, что олово (свинец) и чёрные лисы, на которых указывают арабы как на важнейшие предметы экспорта Артании, не могли происходить из Рязани. Однако это несправедливо, так как охота на «чёрных лис» производилась в Рязани ещё в XV веке, а недавно вблизи Старой Рязани, в районе села Бестужева, найдены выходы оловянной руды, разрабатывавшейся в древности¹⁸. Наконец, возникает вопрос о том: могла ли Рязань быть таким важным центром? Мог ли остаться неизвестным последующим поколениям город, который арабы считали одним из трёх центров Руси?

¹⁵ Шахматов А. «Древнейшие судьбы русского племени», стр. 35—36. Пгг. 1919.

¹⁶ Акад. Дорн, переводя отрывки из книги Аль-Балхи, принял даже написание Эрзяня, вместо Арсяния, Артания других переводчиков. Dorn B. «Melanges asiatiques». VII, 1, p. 56—57. СПб. 1874.

¹⁷ «Hudud Al-Alam». «The Region of the World». Translated and explained by V. Minorsky, p. 217, 435. London. 1937.

¹⁸ Оловянные изделия известны из курганов этого района XII века. «Маклаковские курганы», отчёт о раскопках Милонова, анализ А. Мансурова. Научный архив Рязанского областного музея.

Что Старая Рязань могла быть важным центром, ясно хотя бы из того, что она лежала на важнейшем торговом пути, по которому в Восточную Европу притекала значительная часть серебряных монет и различных товаров с Востока. Водный путь по Оке мог определить и рост города и то значение, которое придавали этому городу арабские купцы и путешественники, хотя мы не имеем ещё археологических материалов, подтверждающих существование Старой Рязани в IX веке.

Старая Рязань хорошо известна нам по материалам, относящимся к XI веку. Перед нами предстаёт большой славянский город, вся огромная территория которого была густо населена; город с большими каменными храмами, со многими ремесленными мастерскими, с замечательными достижениями в области ремесла и искусства. Всё это не могло явиться внезапно и должно было быть подготовлено в предшествующее время. К тому же надо учесть, что из 48 гектаров Старо-Рязанского городища раскопками вскрыта едва лишь одна пятисотая часть его площади. Надеемся, что последующие раскопки принесут нам доказательства существования Старой Рязани в древнейшее время и подтверждение тезиса о её значении как одного из центров древней Руси.

История Старой Рязани тесно связана с племенем вятичей. До того как Рязань стала феодальным центром Рязанского княжества, она была одним из племенных центров вятичей. Что Рязань была городом вятичей, подтверждается археологическими находками на городище семилепных височных колец, являющихся неоспоримым племенным украшением вятичей²⁰. О том же говорят находки решётчатых перстней и шаровидных бус из горного хрусталя. Подтверждают это и летописи. Поздние летописи (XV в.), когда слово «вятичи» стало непонятным, заменяют и объясняют его привычным словом «рязанцы», так как Рязань рассматривалась как главный город вятичей. Бромлинская летопись, сообщая о происхождении вятичей от Вятко, говорит: «И седоша ту и прозвашася Рязанци»²¹; Тверская летопись: «И от него прозвашася Вятичи и до сего дне, еже есть Рязанци»²¹; Львовская летопись: «А Вятко по Оце, от него прозвашася Вятичи, иже есть Рязанци»²². Позже Старая Рязань, по мере роста города, утратила свой, прежнему вятичскому этнографический состав. Как крупный торговый и ремесленный центр, она была городом со смешанным населением.

Древнейшая история вятичей остаётся ещё в достаточной мере тёмной, ибо, кроме отрывочных сведений о походах Святослава и Владимира и характеристики вятичей как одного из самых отсталых славянских племён, летопись ничего о них не сообщает. Так же неясна в это время история главного их центра — Рязани. Культурные и полити-

ческие связи Рязани с остальной Русью окончательно устанавливаются только со второй половины XI в., когда заканчивается период изоляции вятичей и власть Рюриковичей распространяется и на это непокорное племя. С этого времени Рязань уже не может рассматриваться как собственно вятичский город, каким она давно уже, вероятно, перестала быть.

Ещё в 1054 г., по завещанию Ярослава, сын его Святослав получил Чернигов с Тмутараканью, Муромом, Рязанью и землёй вятичей. По крайней мере таково было представление о распределении земель у составителя Воскресенской летописи в XVI веке. Эта летопись указывает, что от Святослава пошли рязанские князья и что за сыном его Олегом «был Муром и Рязань». В 1066 г. Олег Святославич, изгнанный из Черниговской земли, приходит в Рязань. Это — первое летописное упоминание о Рязани. К этому времени город уже вырос за пределы первоначального поселения, отделённого внутренним валом, к этому времени уже были сооружены каменные храмы и городские укрепления Старой Рязани, огромные размеры которых свидетельствуют о величине и значении города. Период расцвета Старой Рязани продолжался в течение почти 200 лет. После татарского нашествия начался постепенный период упадка города, приведший к перенесению столицы Рязанского княжества в Переяславль Рязанский. Археологические материалы времени расцвета Старой Рязани обильны, но сведения по стратиграфии городища очень скудны. Если для отдельных сооружений и произведений ремесла и искусства мы можем установить относительно точные даты, то для характеристики города в целом мы вынуждены избрать хронологические рамки XI—XII веков.

Старо-Рязанское городище в настоящее время представляет собой распаханное поле, с южной и восточной сторон обнесённое валами, со следами залывшегося рва. Сохранившиеся в настоящее время остатки вала имеют протяжение около 1500 метров. Но раньше вал был значительно длиннее, так как только крутой окский берег не нуждался, по видимому, в укреплении валом и рвом. Высота вала равна 9—10 м, ширина у основания — 23—24, ширина верхней части — 3 метрам. Ров по глубине немного менее высоты вала. Его глубина равна 6—8 м, ширина в верхней части — 20, в нижней части — 5—7 метрам.

На всём своём протяжении валы были дополнены городнями. Мои раскопки в 1945 г. обнаружили в насыпи вала сгоревшие, но ясно прослеживаемые деревянные срубы, заполненные землёй. Они повышались на 2—2½ м первоначальные валы, высота которых достигла лишь 7—7½ метров²³. Значительная высота вала, его крутизна, глубина рва, во много раз превышавшая человеческий рост, и, наконец, деревянная крепость, иду-

²⁰ Арциховский А. «Курганы вятичей» РАНИОН, 1930.

²¹ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 2.

²² ПСРЛ, т. XV, стр. 35.

²³ ПСРЛ, т. XX, стр. 42.

²³ Монгайт А. «Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани». Краткие сообщения ИИМК. Вып. XVII (печатается).

шая по вершине вала, делали Старую Рязань труднодоступной. Время сооружения валов по письменным источникам неизвестно. Приблизительно их можно датировать временем не позже XII века.

Внутри валов наиболее населённым всегда оставался северный участок городища — наидревнейший и сохранивший следы нескольких периодов заселения. Участок городища южнее северного вала был густо населён на территории его, прилегающей к Оке. Наименее населённой была часть, прилегающая к восточному валу. Повидимому, город в пределах новой городской стены не успел ещё полностью застроиться к тому моменту, когда начало падать значение Старой Рязани и, следовательно, убывать население. По этой же причине не было пригородов, расположенных за городским валом. Впрочем, последнее утверждение не может быть категорическим, так как производившиеся раскопки охватывают незначительную площадь.

Плохая сохранность дерева в культурном слое Старой Рязани не дала возможности полностью реконструировать жилища. В. А. Городцову удалось лишь отчасти реконструировать по материалам раскопок старорязанское жилище. Это были деревянные избы с дощатыми полами, с глинобитной печью посреди избы и с одной или двумя подпольными ямами. Глинобитные печи сохранились в виде пластов обожжённой глины с прослойкой из золы и угля. В реконструкции они представляются в виде четырёхугольной печи без лежанки, без трубы. Печь была приподнята над полом и опиралась на столбы, вкопанные в землю. Этнографические сведения о наличии подобных печей в Рязанской губернии относятся даже к началу XX века. Печь сбивали на деревянном опечке, утаптывая ногами, убивая чекмарями до тех пор, пока вся печь складывалась в один плотный ком²⁴. Глинобитная печь, видимо, появилась в очень древние времена и бытовала очень долго. Были дома с кирпичной печью, относящиеся к более позднему времени — к XIII—XIV векам.

В раскопках 1946 г. были открыты, кроме наземных жилищ, полуземлянки, также с глинобитной печью и с вырубленными в земле ступенями входа²⁵.

В древней части города все постройки были деревянными. Каменные постройки встречаются только в южной части городища. Это два храма, вскрытые раскопками Тихомирова, Городцова и Селиванова.

В 1836 г. местный краевед «купеческий сын» Д. Тихомиров произвёл раскопки храма в юго-западной части городища и обнаружил фундамент каменного собора. Раскапывая центральную часть здания, Тихомиров засыпал землёй и строительным мусором наружные стены и потому не смог обнаружить

три притвора, открытые впоследствии Городцовым (1926 г.). В результате раскопок выяснилось, что храм представлял собой шестистолпную прямоугольную в плане церковь с тремя абсидами и тремя притворами. Центральная абсида (9 арш.) несколько больше боковых (по 5½ арш.). Длина здания — 44½ арш., ширина 28 аршин²⁶. Притворы, придающие церкви крестообразную форму, отделялись от центрального помещения простенком. Стены здания толщиной в 2½ арш. сложены из плитчатых кирпичей более или менее квадратной формы, расположенных ровными рядами и скреплённых слоем раствора извести с толчёным кирпичом (цемянки). Пол храма плитчатый, причём некоторые плиты несут следы поливы. Храм внутри был украшен фресковой росписью, а снаружи — белокаменной резьбой. Фрагменты фресок обнаружены преимущественно орнаментального характера. Только на одном имеется рисунок глаза. Резной камень находился на участке, где был храм в течение многих лет, но его использовали местные крестьяне для своих построек. Удалось собрать лишь несколько фрагментов. Два из них были изданы Корзухиной²⁷. В коллекции Рязанского и Московского Исторических музеев имеются фрагменты резных камней из Старой Рязани. Особенно интересна в коллекции Московского Исторического музея скульптура, принадлежавшая одному из открытых храмов и представляющая мужскую голову с бородкой. Скульптура объёмная (трёхмерная), техника резьбы грубая, линии резкие, глаза изображены при помощи сверлин, таких глубоких, что возникает даже мысль, не вставлялась ли в них стеклянная имитация глаза.

В северо-западной части городища находился второй холм, раскопанный в 1888 г. Селивановым²⁸. Под холмом были обнаружены остатки церкви, в плане имевшие «вид четырёхконечного креста, в середину которого вписан четырёхугольник». Собственно, это определение Селиванова неточно, но можно признать, что эта схема лежит в основе плана, в развитом виде представляющего пятиабсидную церковь с четырьмя столбами посредине. Раскопки Селиванова не выяснили деталей храма, чертёж представляет неточную схему. Длина храма — 39½ арш., ширина — 36½ аршин. Бут состоял из крупного белого камня, залитого известью; кладка стен — из плитчатого кирпича. Нужно думать, что часть найденных в Старой Рязани резных камней принадлежала этому храму.

Для полноты описания старорязанской архитектуры следует указать ещё одну церковь, раскопанную Селивановым, хотя и не лежащую на Старо-Рязанском городище, но имеющую к нему непосредственное отно-

²⁴ Тихомиров Д. «Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани». М. 1844.

²⁵ Корзухина Г. «Рязань в сложении архитектурных форм XI—XIII столетий». «Сборник бюро по делам аспирантов». I. 1929.

²⁶ Труды Рязанской учёной архивной комиссии. Т. V, в. III.

²⁴ Селиванов В. «Год русского земледельца (1856—57)». Зарайский уезд, Рязанской губ.; «Календарь Рязанской губ. на 1887 г.». Под редакцией А. В. Селиванова и Н. К. Фроста, стр. 119.

²⁵ Монгайт А. «Отчёт о раскопках 1945 г. в Старой Рязани». Архив ИИМК.

шение. В 1889 г. Селиванов произвёл раскопки на так называемом Ольговом городке (при слиянии реки Прони с Окой, в 6 верстах от Старой Рязани). Здесь были обнаружены фундаменты крестчатой церкви без столбов, незначительных размеров, 26 × 22 арш., с очень толстыми (2½ арш.) стенами. Единственная абсида имеет несколько вытянутую форму. Церковь была украшена резным белым камнем и фресками, сложена также из плитчатого кирпича на бутовой основе.

Вопросы о наименовании и времени построения найденных церквей очень сложны, так как материалы для этого крайне скудны. В летописи упоминаются в Старой Рязани церкви: Бориса и Глеба в 1194/95³⁰; в 1258 г. упоминается церковь Спаса в связи с погребением Олега Ингваревича³⁰; в 1237 г. в связи с батыевым нашествием упоминается Успенский собор³¹. Какая из названных церквей как называлась и вообще были ли две последние церкви, названия которых известно, каменными, мы не знаем. Однако наиболее вероятным является предположение, что храм, раскопанный Тихомировым в 1836 г., — Борисоглебский. В пользу этого предположения говорит то, что рядом с раскопанным в 1836 г. храмом была деревянная Борисоглебская церковь, крайне ветхая, построенная взамен рухнувшей древней и, очевидно, принявшая её название. Ещё сложнее обстоит дело с датировкой. Попытки сопоставить с другими известными памятниками затруднены как вследствие неясности деталей, так и вследствие того, что в древнерусском зодчестве эти церкви являются в известной степени уникальными.

Давно уже подвергнута сомнению простая схема заимствования из Византии первоначальных форм русского каменного зодчества. По этой схеме выходило, что вместе с греческими священниками и монахами на Русь пришли греческие живописцы и зодчие, которые и вводили с XI столетия каменную архитектуру. Установлено, что даже в тех случаях, когда строили греческие мастера, они в России строили иначе, чем строили бы у себя на родине. Они применялись к местным строительным условиям и вкусам, подпадали под влияние русской культуры, в частности под влияние русского деревянного зодчества, и поэтому строили так, что даже самые ранние их постройки отличались от византийских³². Но есть и такие отклонения от византийских форм, которые никак нельзя объяснить самостоятельными русскими чертами в архитектуре. Приходится обратиться за поисками объяснений на Ближний Восток, к Малой Азии и Сирии, откуда шли на Русь художественные изделия и художественные

влияния. Эти связи, давно уже замеченные исследователями, часто преувеличивались. Например, Шуази³³ и Стржиговский³⁴ целиком искали в Армении древнейшие истоки искусства восточных славян. Но если отбросить эти преувеличения, то всё же нельзя не отметить сходство планов некоторых черниговских, смоленских и рязанских церквей с планами армянских и грузинских церквей. При этом дело не ограничивается случайным сходством планов церквей: оно обнаруживается и в деталях декорировки храмов. Это находит объяснение в старинных политических и культурных связях древней Руси с Закавказьем³⁵.

Наиболее близкими по плану к рязанским церквям являются памятники Абхазии и Северного Кавказа, в первую очередь церкви в Лехне, на р. Б. Зеленчук, и церкви Хумаринского укрепления, у впадения р. Тейберды в Кубань, в местности издревле населённой осетинами и близко лежащей к Тмутаракани³⁶. Не только план, но и белокаменная резьба заставляют связывать рязанскую архитектуру с архитектурой этих районов. Установившаяся сходство памятников Рязани и Кавказа, можно датировать сходные памятники, считая их близкими по времени сооружения. Датой построения церквей в Лехне, на Б. Зеленчуке и в Хумаринском укреплении надо считать конец X—XI в.³⁷, датой построения Успенской церкви в Черниговском Елецком монастыре — XI век. Временем построения рязанского храма, раскопанного в 1836 и 1926 гг., наиболее близкого по конструкции к указанным памятникам, надо считать XI — начало XII в., период княжения в Рязани Олега Святославича и его брата Ярослава.

Вторая церковь Старо-Рязанского городища относится к иной эпохе и, вероятно всего, может быть датирована XIII веком. Таким образом, устанавливается, что начало каменному строительству в Старой Рязани было положено Олегом Святославичем — первым известным по летописи рязанским князем.

Иловайский высказал мнение, что Ярославу, младшему брату Олега, предназначались в удел муромо-рязанские волости³⁸. Это предположение стало общепринятым, хотя автор его не имел достаточных оснований для подобного утверждения. Летопись указывает на Олега, а не на Ярослава как на первоначального владельца Муромо-Рязанской земли. В Муроме сидели посадники Олега³⁹; Олег требует освобождения Му-

³³ «История архитектуры». Т. II. М. 1937.

³⁴ Strzykowski I. «Baukunst der armenien und Europa». Bd. I—II, Wien. 1918; «Die Altslawische Kunst». Augsburg. 1929

³⁵ Корзухина Г. Указ. соч., стр. 70.

³⁶ Материалы по археологии Кавказа. В. IV, М. 1894, стр. 86—90; в. VII, М. 1898, стр. 116—128.

³⁷ Кондаков Н. «Древняя архитектура Грузии». СПб. 1874; J. Mouhier «L'Art au Caucase».

³⁸ Иловайский «История Рязанского княжества», стр. 17.

³⁹ ПСРЛ, I. 98.

³⁰ ПСРЛ, I, 173; X. 22. «Того же лета преставися князь Игорь Глебович Рязанский, и положен бысть в граде в Рязани, в церкви камене святых мученик Бориса и Глеба».

³¹ ПСРЛ, I, 203. X. 141.

³² Брунов Н. «К вопросу о самостоя-

тельных чертах русской архитектуры X—XII вв.». Сборник статей «Русская архитектура». М. 1940.

рома и Рязани, «понеже се есть мое отечество»⁴⁰. Здесь Ярослав совершенно не фигурирует и выступает лишь в 1096 г. в качестве неудачного помощника Олега в его борьбе с Мстиславом. После этого Ярослав снова исчезает на долгие годы со страниц летописей. Воскресенская летопись прямо называет Олега владельцем Муромо-Рязанской земли, и, нужно думать, что это не домысел летописца XVI в., а подтверждение известного факта, так как в 1088 г. болгары жаловались ему на грабежи на Оке⁴¹.

Едва ли не к этому времени относится развитие тех тесных связей Рязани с Тмутараканью, которые наложили свой отпечаток на культуру Рязанской земли⁴². Связи между этими отдалёнными землями существовали уже в глубокой древности, так как путь к Босфору Киммерийскому был известен населению Оки задолго до основания Рязани. В 1926 г. В. А. Городцов в 10 км от Старой Рязани нашёл бронзовую монету боспорского царя Савромата IV, датированную 276 г. нашей эры⁴³. А. Ф. Фёдоровым на Старо-Рязанском городище найдены 2 монеты: 1) платиновая, низкопробного серебра, царя Тиберия Юлия Нискупорида IV, с датой 249 г. н. э. и 2) плохо сохранившаяся медная монета Нискупорида, последнего боспорского царя, 304—342 г. нашей эры⁴⁴. Вероятно, тем же путём, каким шли эти монеты, проникли на Оку и римские мечи, которые в рязанских могильниках III в. являются типичными позднеримскими спатами⁴⁵.

Славянские поселения на Кубани, вероятно, были связаны с Рязанью ещё до образования Тмутараканского княжества, но эти связи упрочились, когда Рязань и Тмутаракань стали частями одного и того же Черниговского княжества. К сожалению, тмутараканские памятники нам очень мало известны. Наиболее массовой находкой в славянских слоях на Тамани является керамика, в общем довольно однообразная во всех славянских землях. И всё же мы имеем здесь чрезвычайно важное наблюдение о сходстве керамики старо-рязанской с тмутараканской. В. А. Городцов указывает, что в четырёх селищах Тмутараканского княжества, открытых им на р. Кубани, близ Краснодара, найдена кера-

мика, схожая со старорязанской⁴⁶. Описывая культурный слой обследованного им селища на левом берегу Кубани, у аула Глюстенхабль, Городцов пишет: «Обломки глиняной посуды по формам, технике и орнаменту совершенно близки к славяно-русским, в особенности рязанским»⁴⁷. Это наблюдение удалось сделать благодаря некоторому своеобразию старорязанской керамики, отличающейся от общеславянской форм. Её удивительное сходство с тмутараканской позволяет видеть в этом ещё одно подтверждение тезиса о связях этих отдалённых друг от друга земель.

Старая Рязань была крупнейшим ремесленным центром. Раскопки обнаружили в ней не только огромное количество ремесленных изделий, большинство которых произведено на месте, но и различные мастерские. Трудно назвать какие-либо виды ремесленных изделий, известных в древней Руси, которые не были бы найдены в Старой Рязани, хотя в отношении многих из них трудно утверждать, что они произведены в самой Старой Рязани. Можно отметить несомненное развитие в Старой Рязани металлургии. В районах, непосредственно близких к Старой Рязани, в особенности по берегам рек Пры и Кади, Прони и Осетра, имеется большое количество болотной руды⁴⁸, служившей сырьём для выплавки железа. В раскопках встречены так называемые волчьи ямы, в которых в древнейшие времена производилась выплавка железа. Железо выплавлялось вне города или в районе городских валов, где раскопки не производились. Найдены кузнечки. Но если бы они и не были найдены, о развитии кузнечного ремесла свидетельствует огромное количество найденных кованых гвоздей, скоб, пробоев, заклёпок, ножей (лишь в 1926 г. последних найдено 333 штуки), огнив, стремян, удиц, замков, ключей, наконечников стрел и т. п.

Меднолитейное дело представлено находками медных шлаков, кусков меди, тиглей со следами расплавленной меди, бронзовых украшений, не обрезанных после отливки, и каменных литейных форм. Продукция местных ювелиров, изготовленная путём литья или штамповки, состоит из огромного количества медных, серебряных и золотых вещей. Мастера применяли все самые сложные формы ювелирной работы — скань, зернь, чернь, изготовление перегородчатых эмалей. Чаше всего эти подвески, крестики, застёжки-пряжки, перстни, браслеты, височные кольца не имеют никаких местных признаков, если не считать, что большинство встреченных типов характерны для поздних вятичей. Но исключительный интерес представляют изделия из золота и серебра, свидетельствующие не только о высоком развитии местного ремесла, но и об особых художественных вку-

⁴⁰ ПСРД, II, 281.

⁴¹ Таглицев «История Российская». Т. II, стр. 140.

⁴² Собственно говоря, ещё во времена Мстислава Тмутараканское Рязанская земля вошла в сферу влияния Тмутаракани, так как начало самостоятельному Чернигов-Северскому княжеству, частью которого была Муромо-Рязанская земля, было положено из Тмутаракани.

⁴³ Городцов В. «Результаты археологического исследования Троице-Пеленицкого городища — Холмища в 1926 году». Рязанский областной среднеокский музей, исследование и материалы, в. V. Рязань. 1930.

⁴⁴ Рукопись Рязанского музея № 420—421.

⁴⁵ Арциховский А. «Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальско-Смоленской земле». «Проблемы истории докапиталистических обществ» № 11—12. 1936.

⁴⁶ «К материалам по археологии Рязанского края». Рукопись Рязанского музея № 211.

⁴⁷ «Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г.». «Памятники древности на Дону», стр. 56. Ростовиздат. 1940.

⁴⁸ Баранович М. «Рязанская губерния». Материалы для географии и статистики России. 119. СПб. 1860.

сах и особых формах рязанского прикладного искусства. На Старо-Рязанском городище найдено 3 больших клада и ряд отдельных золотых и серебряных предметов. Первый клад был найден в 1822 году. Крестьянин, пахавший землю на южном участке городища, в 200 шагах от храма (раскопки 1888 г.), наткнулся на золотые и серебряные предметы исключительной ценности. Эта находка, собственно, и привлекла впервые внимание к Старо-Рязанскому городищу. Благодаря Калайдовичу и Оленину, впервые описавшим этот клад, он получил название «рязанских блям». До сих пор является спорным предназначение этих предметов. По мнению Кондакова, это — часть книжеского наряда. Имеется высказанное позднее мнение, что это — женское украшение. Клад 1822 г. состоит в основном из 11 больших круглых блям, которые Кондаков делит на 3 подбора, или серии. Первый подбор состоит из пары больших дутых подвесных колтов, богато украшенных камнями, эмалью и золотой сканью. На лицевой стороне этих колтов изображены святые — князья Борис и Глеб. На оборотной стороне вставлен белый яхонт, вокруг которого идёт обниз жемчугом. По ободу среди скани помещены 9 крупных камней. Камни вправлены в гнезда, приподнятые над поверхностью колтов с помощью ажурного сканного плетенья в виде арочек, которые пропускают к камню свет снизу. Второй подбор состоит из трёх больших круглых медальонов в виде плоских щитков. Посредине помещён выпуклый эмалевый медальон с изображением святых, вокруг широкая оправа с камнями и сканью. В надписях грубо смешаны русские буквы с греческими. Третий подбор состоит из 6 медальонов, плоских с обратной стороны и украшенных с лица камнями и сканью. Кроме того в кладе находились ажурные золотые бусины, нашивные бляшки, перстни, браслеты и т. д.⁶⁰

В 1868 г. найден второй, а в 1887 г. третий клад⁶¹. Последним, недавно найденным, является клад 1937 г., из которого уцелели только 2 предмета, приобретённые Государственным Историческим музеем в Москве. Это серебряная звёздчатая подвеска с пятью лучами и цепь из серебряных бляшек на шарнирах.

Изумительные по богатству и высокой технике изготовления, рязанские ювелирные изделия в большинстве представляют местную работу. Многие в рязанских кладах привозные⁶² есть вещи византийские, есть вещи, связанные с Днепровским бассейном, произведённые, вероятно, в пределах Киевского или Черниговского княжеств. Но есть предметы, аналоги которым мы не встречаем нигде, — изделия местных рязанских мастеров. К таким должны быть прежде всего от-

несены золотые изделия со сканью. Обилие камней, вставленных в высокие гнезда, полихромия, широкое использование скани замечательного рисунка, особая форма колтов и многое другое отличают эти изделия от современных им изделий, происходящих из других районов древней Руси. Изумительно высокая техника, совмещённая с какой-то варварской манерой украшений из разноцветных камней, манерой, отличающейся не только от византийских изделий, но даже от самого близкого по времени изготовления и по приёмам украшения клада с Житомирской улицы в Киеве, характеризует старорязанскую школу мастеров. Если учесть, что кроме дошедших до нас вещей, очевидно, в той же манере была изготовлена золотая корона, золотой обруч с камнями и какая-то вещь, подобная звезде из золота, украшенная 24 камнями и жемчугом (о находке которых на Старо-Рязанском городище сообщает Калайдович)⁶³, то это даёт нам право говорить о специфическом облике и местном происхождении этого мастерства. Кондаков, признавая значительную часть ювелирных изделий из старорязанских кладов предметами местного происхождения, с удивлением останавливается перед вопросом: откуда в Рязани появилось такое мастерство? «Быть может, и для русской археологии настанет такое время, когда изящество и обилие рязанских древностей этой эпохи будет сознательно связано с замечательным развитием культуры в бассейне р. Оки»⁶⁴, — восклицал Кондаков. Если не наступил ещё момент, чтобы полностью выяснить истоки высокого искусства рязанских ювелиров, то сейчас уже данные археологии позволяют связывать его с общим высоким развитием культуры и ремесла в Старой Рязани.

Ювелирное дело, изготовление эмалей представлены в Старой Рязани образцами, не имеющими себе аналогий в русских древностях. Таковы серебряные изделия с пергородчатой эмалью — крестообразные и треугольные бляшки старорязанского клада 1868 года. Они отличаются ясными, мало потускневшими красками и мягкими, преимущественно нежноголубыми тонами.

Из стеклянных изделий наиболее массовой находкой на городище являются браслеты, характерные для всех русских городищ XI—XIII веков. Имеются стеклянные сосуды и множество бус самых разнообразных цветов. Особенно интересна находка мастерской по изготовлению янтарных бус. Мы можем проследить весь процесс производства, так как среди находок имеются куски необработанного янтара, выточенные из янтара болванки, недоделанные просверленные полуфабрикаты и, наконец, готовые янтарные бусы. Несмотря на то, что янтарь найден во многих районах России, в том числе и на Оке, до раскопок 1926 г. в Старой Рязани все янтарные бусы считались привозными из Прибалтики. Открытие ста-

⁶⁰ Оленин А. «Рязанские древности». СПб. 1831. «Опись Московской Оружейной палаты». 1894. Ч. 1-я, стр. 41—43; Кондаков Н. «Русские клады», стр. 83—96.

⁶¹ Гушчин А. «Художественное ремесло древней Руси», стр. 77—80, табл. XXVI—XXVIII. М. 1936.

⁶² Письма к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М. 1823.

⁶³ Кондаков Н. «Русские клады», стр. 84.

рязанской мастерской янтарных бус опровергло это мнение и показало, что их производство было местным.

Из местных производств, в которых рязанские мастера достигли больших успехов, следует отметить производство облицовочных поливных глиняных плиток. Такие плитки, чаще всего покрытые жёлтой поливкой с орнаментом на всей поверхности из слегка выпуклых зелёных стекловидных линий, встречены в большом количестве. Способ нанесения узора на кистью, а при помощи трубчатого инструмента, и многоцветность плиток делают их подобными киевским. Но производство их было местным, что подтверждается находкой печи для обжига этих плиток и вообще поливной керамики. То, что Рязань, подобно Киеву, знала производство полихромной глазурированной керамики, позволяет высоко оценить успехи местного ремесла.

Полный перечень всех ремесленных изделий, найденных в Старой Рязани, должен был бы охватить огромное количество предметов, связанных со всеми сторонами её жизни. Здесь и ткани и изделия из кости и дерева, керамика, детские игрушки, оклады книг, светильники и орудия труда. Свыше 5 тыс. предметов, найденных в Старой Рязани, хранится в музеях и в частных коллекциях. По ним мы можем судить не только о развитии ремесла, но и о быте жителей древнерусского народа, о разнообразных сторонах деятельности его населения.

Не только ремесло, но в значительной мере и торговля служили основой развития Старой Рязани ещё до того, как она превратилась в административный центр Рязанского княжества. Старая Рязань по своему положению на водных путях имела все данные для того, чтобы превратиться в важный торговый город. Весьма выгодно расположенная в отношении трёх судоходных рек — Оки, Прони и Пры, в непосредственной связи с величайшей водной артерией Восточной Европы — Волгой, Старая Рязань рано была вовлечена в торговлю со своими соседями, а потом и с отдалёнными районами. Для раннего периода существования Старой Рязани как славянского города мы можем проследить преимущественно её восточные связи. Связи с Западом развиваются лишь тогда, когда Рязань через Чернигов и Киев вовлекается в общерусскую торговлю. Долго оставались непроходимыми леса на водоразделе Оки и Днепра, что изолировало вятичей от «великого водного пути из варяг в греки». До конца XI в. рассматривался как особый подвид поход через землю вятичей, и сношения с Киевом в это время происходят не по прямой дороге, а через Муром и Суздаль. Основным путём для связей с другими народами был путь по Оке и Волге, а это был прежде всего путь на Восток. Нумизматические материалы ясно указывают на сильные восточные связи волгоокского междуречья до XI века. В конце X в. устанавливаются связи с Византией через Тмутаракань, а в XI в. картина меняется: появляются во всё возрастающем количестве монеты и вещи западного происхождения и привозные из других русских

областей, исчезает исключительность восточных связей. Обилие арабских монет ясно говорит о прочности восточных связей вятичей. С IX в. торговля с Востоком приобрела большие масштабы, причём почти все находки монет в районе Рязани связаны с водной артерией — Окой. В узкой полосе, 25—30 км по Оке, от Белёва до Старой Рязани, распределяется абсолютное большинство находок. Вместе с тем Старая Рязань, бывшая самым восточным пунктом в земле вятичей, является крайним пунктом распространения восточных монет на Оке в пределах вятической земли.

С Востока в Рязань были занесены и единицы измерения веса, монеты и гири, служившие для взвешивания денег и распространившиеся в это время во всей Восточной Европе. Прототипом этих гирек были арабские, в основе которых лежал легальный дирхем в 3,96 грамма⁵³. Найдены весов и безменов в Старой Рязани дали несколько оригинальных образцов, а большое количество этих находок свидетельствует о значении торговли в жизни этого города. О районах, с которыми была связана Старая Рязань, мы можем судить по привозным вещам. Среди них и сасанидская чаша, и подвески с восточными орнаментами, и византийские монеты, и пергородчатая эмаль, и роскошные ткани. С Волги привозились шиферные пряслица. Из Причерноморья шли амфоры с вином, фрагменты которых найдены в раскопках. Из Прибалтики и Скандинавии происходят некоторые пряжки и подвески с звериными личинами и наконечник ножен меча. Много предметов ввезено из соседних, мордовских земель. Из болгарских вещей встречены бронзовые замки в виде льва и в виде коня. Оживлённая торговля шла с Киевом и Черниговом, откуда происходят некоторые серебряные изделия вкладах, гривны киевского типа и другие предметы. Конечно, многие из этих предметов были привезены в Рязань не непосредственно из мест, где они производились, а из промежуточных пунктов. Но, даже признавая это, мы не можем преуменьшить размеры внешних связей Старой Рязани. Особенно важным свидетельством значения Старой Рязани как торгового города является большое количество найденных здесь свинцовых товарных plomb.

После работ А. В. Орешникова⁵⁴ и Н. П. Лихачёва⁵⁵ вряд ли можно сомневаться в назначении plomb: это были знаки, привешивавшиеся к товарам, предназначенные для вывоза. Обилие plomb в Старой Рязани показывает на то, что она была крупным торговым городом.

Почему же такое значение Старой Рязани забыли в последующие годы? В значительной мере причиной этого послужило отсут-

⁵³ Монгайт А. «Рязанские гири», «Краткое сообщение ИИМК», в. XIV.

⁵⁴ «Классификация древнейших русских монет по родовым знакам». «Известия Академии наук». 1930. Отделение гуманитарных наук.

⁵⁵ «Материалы по истории византийской и русской сфагистики». «Труды Музея палеографии». Т. II.

тствие рязанских летописей, в которых была бы запечатлена значительная и многообразная её история. Предположение, что такие летописи существовали, высказывалось исследователями состава русских летописей на основании наличия местных рязанских записей в общерусских сводах⁵⁶. Такого мнения придерживался, например, Иконников⁵⁷. М. Д. Приселков, характеризуя великокняжеский свод 1305 г., составленный в Твери, в числе вспомогательных источников в руках сводчика указывает Рязанский летописец. Приселков предполагает существование длительного и непрерывного летописания в Рязани⁵⁸. Вообще немногочисленные летописные сведения о Рязани могут быть разделены на 3 группы: к первой следует отнести те, которые записаны не в Рязани, ко второй — те, которые могли быть записаны как в самой Рязани, так и вне её; к третьей — те, которые по своему характеру и по своей определённости ясно указывают на местное их происхождение.

Большая часть сведений первой группы содержится в суздальских летописях. Это сведения о ближайших и очень беспокойных соседях Суздальской Руси, записанные летописцем как непосредственно касающиеся его княжества. Эти сведения, крайне важные для истории Рязани вообще, ничего не дают для решения вопроса о рязанском летописании.

Вторая группа содержит обычно краткие сведения, сообщающие о фактах, в равной степени значительных для Рязани и для других русских княжеств. Эти сведения не выдают своего автора.

Третья группа сведений может быть признана собственно рязанской. Эти сведения немногочисленны, крайне отрывочны и попали в общерусские своды из каких-то местных летописей. Мы не видим в них попытку создать пространное и последовательное летописание. Перед нами лишь отдельные краткие, сухие записи, без лирических отступлений, без нравочений, свойственных другим летописцам. Такой характер рязанского летописания. Интересно, что почти все сообщения о Рязани, свидетельствующие об их происхождении из местных записей, содержатся в Никоновской летописи. Некоторые сообщения, содержащиеся в других летописях, в Никоновской более подробны. Выписки делались составителем Никоновского свода в определённом порядке: в конце годовой записи, после сведений о Киеве, Суздале, Чернигове, большей частью раньше сведений о Новгороде, помещены

выписки о Рязани⁵⁹. При этом дополнительные сведения, взятые из местного источника, часто оторваны от более важных и пространных сообщений о рязанских событиях, переписанных из летописей, лежащих в основе Никоновского свода. Например, под 6717 г. идёт рассказ о борьбе рязанцев с Всеволодом, о разорении Рязанской земли и отдельно от этой записи, после сообщения о браке Всеволода и об изгнании из Галича Владимира Игоревича, помещено сообщение об убийстве рязанского тысяцкого Матфея Андреевича⁶⁰. Очевидно, в руках у составителя Никоновского свода⁶¹ был Рязанский летописец, из которого он и делал выписки, пополняя ими основной текст.

Кроме Никоновской летописи можно указать на элементы рязанского летописания, включённые в Воскресенскую летопись. Это «роспись» князей рязанских⁶². «Роспись», очевидно, заимствована из Рязанской летописи или из отдельно составленной княжеской родословной, но только из местного источника могли быть заимствованы сообщаемые «росписью» подробности.

Таким образом, можно установить, что с начала XII в. в Рязани, подобно другим центрам Руси, велась запись важнейших событий, частично включённые позже в общерусские летописные своды. Большая часть записей погибла при батыевом погроме, и поэтому мы знаем так мало фактов из истории Рязани, а то, что знаем, дошло до нас как сведения, вышедшие из-под пера враждебного Рязани соседа. Однако если у нас нет оснований утверждать, что рязанское летописание достигло высокого развития, подобно суздальскому или киевскому, мы должны признать, что рязанская литература даёт нам единственный, но несравненно значительный памятник, являющийся одним из лучших произведений древнерусской литературы вообще. «Повесть о приходе чудотворного Николина образа Зарайского иже бе из Корсуна града, в пределы Рязанские, ко князю Феодору Георгиевичу во 2-ое лето по Калкском побоище»⁶³ — не только ценнейший памятник древней рязанской литературы, но и важный исторический источник, так как содержит «повесть о разорении Рязани Батыем». Автор повести — рязанец, он хорошо знает события; точно очерченные им исторические сведения в значительной мере подтверждены летописями и археологическими источниками; ему подробно известны имена всех погибших рязанских князей. В основе повести лежат устные поэтические произведения⁶⁴. Особенности повести о приходе Батя на Рязань позво-

⁵⁶ Б е с т у ж е в-Р ю м и н «О составе русских летописей до конца XIV века», стр. 58—139, 156; Т и х о м и р о в И. «О Лаврентьевской летописи». Журнал министерства народного просвещения за 1884 год, № 10, стр. 265; Ш а х м а т о в А. «Обозрение русских летописных сводов», стр. 19. М. 1938.

⁵⁷ И к о н н и к о в В. «Опыт русской историографии». Т. II, кн. 1-я, стр. 1045—1055.

⁵⁸ П р и с е л к о в М. «История русского летописания XI—XIV вв.», стр. 107, 110, 1940.

⁵⁹ ПСРЛ, IX, 143, 156, 157, 158, 159, 160, 172, 176, 177, 178, 182, 184, 197, 205, 207, 229, X, 18, 22, 23, 60.

⁶⁰ ПСРЛ, X, 60.

⁶¹ Около 1556 года.

⁶² «Начало о великих князех Рязанских», ПСРЛ, VII, 241—243.

⁶³ «Временник Импер. московского общества истории и древностей Российск. Кн. 15-я. 1852.

⁶⁴ Орлов А. «Курс лекций по древнерусской литературе», стр. 141. М. 1939.

ляют высоко её оценивать как памятник рязанской литературы и отводить ей второе место после «Слова о полку Игореве» во всей повествовательной литературе воинского жанра.

Таким образом, касаясь различных сторон материальной и духовной жизни Рязани, мы выделили ряд замечательных свидетельств значительной её роли в истории и развитии культуры древней Руси. Было ли всё это разрушено монгольским нашествием? Считалось, что Старая Рязань была окончательно разорена в 1237 г. и больше уже не возродилась. Между тем, как ни велико было несчастье, связанное с татарско-монгольским игом, оно не прекратило развития культуры и городов. Города вскоре возродились, отстроились и начали жить и развиваться, правда, медленнее, чем прежде.

В начале зимы 1237 г. татары пришли из Болгарии к рязанской границе. Одна из самых драматических эпох русской истории начинается в Рязанской земле. Первой приняла удары татар и первой под их ударами пала Старая Рязань. 16 декабря татары осадили Рязань. Пять дней рязанцы героически отстояли свой город. 21 декабря враги штурмовали город, взяли его и сожгли. Город был страшно разорён, «а мужей емше, и жен, и дети и черныца и ерея, овых рассекоша мечи, а других стрелами стреляху и в огонь вметаху, иные имающие взиху... много же святых церквей огневи предаша, а монастыри же и села пожгоша, а имение понмаша...»⁶³. Но как только татарские полчища прокатились через Рязанскую землю, началось восстановление разорённых городов. Ингварь Ингваревич, придя в Рязань, «и церкви постави и монастыри согради и пришельцы утеши и люди собра»⁶⁴. Напрасно историки считали, что татарский погром был концом Старой Рязани, что после этого она не смогла оправиться и столица была перенесена в Переяславль Рязанский; напрасно археологи, придерживаясь этого мнения, датируют все находки на Старо-Рязанском городище временем не позже XIII в., предполагая её полное запустение в дальнейшем. Археологические материалы, как и приведённое выше письменное свидетельство

во, опровергают это мнение. Они показывают довольно интенсивную жизнь Старой Рязани после батыева разорения. Это доказывают и восстановленные храмы, и множество позднейших богатых погребений у этих храмов, и массовые находки вещей, относящихся ко времени, далёкому от 1237 года. Удаётся выделить жилища, относящиеся по времени после татарского нашествия. Укрепления её также были восстановлены, как это показали мои раскопки 1945 года. При раскопке валов были найдены сгоревшие в 1237 г. деревянные укрепления, а над ними находился почти двухметровый слой насыпанной земли. Эта подсыпка валов была произведена при восстановлении укреплений Старой Рязани после татарского погрома. Старая Рязань не только жила, она ещё долгое время оставалась столицей княжества. К XIV в. (после 1355 г.) относится легенда о епископе Васялии, в которой сообщается, что он на мантии переплыл из Муром в Старую Рязань. «Ту бо тогда пребываху князи рязанский»⁶⁵. В XIV в., очевидно, столица была перенесена в Переяславль. Весьма вероятно, что причиной этого было не первоначальное разорение Рязани, от которого она, конечно, успела уже оправиться, а последующее нападение татар ввиду близости Старой Рязани к степи. Хотя и недалеко от неё отстоящий, но прикрытый лесами, Переяславль Рязанский меньше страдал от нападений и потому быстро рос и приобретал значение первого города Рязанской земли. Играла роль, вероятно, и его близость к Москве. Вообще в падении Рязани немаловажную роль сыграло её крайнее положение.

Перенесение столицы в Переяславль привело к немедленному переименованию его в Рязань. Имя «Рязань» постепенно переносится на Переяславль Рязанский, а древнюю столицу княжества в отличие от Переяславля называют Старой Рязанью, но лишь в 1778 г. состоялось официальное переименование Переяславля Рязанского в Рязань по указу Екатерины II.

Старая Рязань — исключительный в русской археологии памятник. Совершенно свободная для раскопок площадь городища и его огромная территория обещают дать неограниченный по значению материал для изучения жизни и быта древнерусского города.

⁶³ Гудзий Н. «История древнерусской литературы», стр. 194. М. 1941.

⁶⁴ ПСРЛ, I, 221.

⁶⁵ «Повесть о разорении Рязани Батыем», Сборник статей отделения русского языка и словесности. Т. I. СПб. 1867.

⁶⁵ «Житие муромских чудотворцев, Константина и чад его». «Памятники старинной русской литературы», стр. 232.